

Научная статья

УДК 159.9.018

<https://doi.org/10.23951/2307-6127-2023-3-140-149>

Транспективный анализ как метод историко-психологического исследования

Николай Иванович Нелюбин

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия, nelubin2001@yandex.ru

Аннотация

В современных историко-психологических исследованиях, проводимых в русле постнеклассической методологии, назревает необходимость перемещения познавательных ориентиров: с направлений, школ, исследовательских программ, концепций определенного исторического периода развития психологической науки на реализуемые в них способы мышления и типы рациональности; с монологического, ретроспективного описания процессов оформления и трансформации концептуального аппарата той или иной психологической школы на рефлексивно-диалогическую реконструкцию концептуального наследия вечно актуальных ученых в свете сегодняшнего и завтрашнего дня развития психологии; с привычных тематических рубрик и разделов психологического знания на области «перекрытия» (метафора В. Е. Ключко) разных типов научной рациональности, в подвижных границах которых наиболее активно и плодотворно шли процессы «перерождения научной ткани» (метафора Л. С. Выготского) психологии; с общеизвестных и признанных теорий на концепции, признававшиеся ранее периферийными или даже маргинальными, но содержащие недооцененный эвристический потенциал; с традиций адаптации в психологии естественно-научных объяснительных схем на ассимиляцию учеными-психологами философско-мировоззренческого наследия и описательного потенциала литературы и искусства. С целью сопоставления традиционного и постнеклассического взгляда на историко-психологическое исследование автором предлагаются метафоры «реставрация» и «ренессанс», которые иллюстрируют разные подходы к реконструкции исторических форм научной мысли: сохранение концептуальных «памятников» психологической науки и осмысляющее воссоздание концептуального наследия психологии с конструктивным пересмотром его эвристического потенциала. Обосновывается продуктивность применения транспективного анализа (разработанного В. Е. Ключко) в историко-психологическом исследовании, поскольку он позволяет преодолевать жесткие концептуальные границы условно закрытых научных систем и школ; понимать закономерные тенденции усложнения психологического познания с учетом тенденций смены типов научной рациональности; налаживать коммуникацию таких психологических концепций, между которыми существуют значительные временные или парадигмальные расстояния; моделировать диалог и конфронтацию ученых, чьи научные взгляды были концептуально созвучны, несмотря на то что они не были современниками или, будучи современниками, в силу разных причин не являлись явными представителями одного оппонентного круга.

Ключевые слова: *история психологии, методология, предмет психологии, психологические концепции, транспективный анализ, рефлексия*

Для цитирования: Нелюбин Н. И. Транспективный анализ как метод историко-психологического исследования // Научно-педагогическое обозрение. 2023. Вып. 3 (49). С. 140–149. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2023-3-140-149>

Original article

Transpective analysis as a method of historical and psychological research

Nikolay I. Nelyubin

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation, nelubin2001@yandex.ru

Abstract

In modern historical and psychological research carried out in line with post-non-classical methodology, there is a need to move cognitive landmarks: from directions, schools, research programs, concepts of a certain historical period in the development of psychological science to the ways of thinking implemented in them and types of rationality; from a monological, retrospective description of the processes of formation and transformation of the conceptual apparatus of a particular psychological school to a reflexive-dialogical reconstruction of the conceptual heritage of eternally relevant scientists, in the light of today and tomorrow in the development of psychology; from the usual thematic headings and sections of psychological knowledge to the areas of “overlapping” (metaphor V. E. Klochko) of different types of scientific rationality, within the moving boundaries of which the processes of “rebirth of the scientific fabric” (metaphor L. S. Vygotsky) of psychology were most actively and fruitfully going; from well-known and recognized theories to concepts that were previously recognized as peripheral or even marginal, but containing underestimated heuristic potential; from the traditions of adaptation in psychology of natural-science explanatory schemes to the assimilation by scientists-psychologists of the philosophical and ideological heritage and the descriptive potential of literature and art. In order to compare the traditional and post-non-classical views on historical and psychological research, the author proposes the metaphors of “restoration” and “renaissance”, which illustrate different approaches to the reconstruction of historical forms of scientific thought: the preservation of the conceptual “monuments” of psychological science and the meaningful reconstruction of the conceptual heritage of psychology with a constructive revision its heuristic potential. The effectiveness of the application of transpective analysis (developed by V. E. Klochko) in historical and psychological research is substantiated, since it allows: to overcome the rigid conceptual boundaries of conditionally closed scientific systems and schools; to understand the natural tendencies of the complication of psychological knowledge, taking into account the tendencies of changing the types of scientific rationality; to model the possible communication of such psychological concepts, between which there are significant temporal or paradigmatic distances; to simulate an incessant dialogue and confrontation of scientists whose scientific views were conceptually consonant, despite the fact that they were not contemporaries or, being contemporaries, for various reasons, were not clear representatives of one opponent circle.

Keywords: *history of psychology, methodology, subject matter of psychology, psychological concepts, transpective analysis, reflection*

For citation: Nelyubin N. I. Transpektivnyy analiz kak metod istoriko-psikhologicheskogo issledovaniya [Transpective analysis as a method of historical and psychological research]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye – Pedagogical Review*, 2023, vol. 3 (49), pp. 140–149. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2023-3-140-149>

Современная история психологии как важнейшая отрасль психологической науки является вместе с тем еще и своеобразной призмой, в которой весьма отчетливо преломляются методологические проблемы психологической науки в целом. Довольно часто перед ней стоит задача на реконструкцию и описание концептуально-понятийного аппарата, не завершенного в своем становлении и развитии, особенно если речь идет о новой и новейшей истории психологии. Так, при описании кризисных моментов (или «вечных симптомов» перманентного методологического кризиса) в развитии психологической науки психолог-историограф будет вынужден сам определиться в выборе методологических оптик и метаподходов, с позиции которых будет обозрим весь концептуальный и фактологический ландшафт интересующей его предметной области. «Вместе с тем нельзя не заметить, – пишет В. А. Мазиллов, – что в современной истории психологии ярко и отчетливо проявляются проблемы, характерные для российской психологии в целом. На наш взгляд, главной такой проблемой является недостаточная методологическая проработанность историко-психологической науки и нерешенность ряда важных, имеющих методологические аспекты вопросов» [1, с. 91].

Свод методологических оптик, которым располагает история психологии как самостоятельная комплексная дисциплина, на первый взгляд более чем достаточный для решения большинства науковедческих и историографических вопросов. Т. Д. Марцинковская выделяет четыре магистральных направления исследования процесса формирования психологических концепций с присущими

этим направлениям методологическими инструментами [2]. Первое, как отмечает автор, сосредоточено «на изучении общих закономерностей процесса развития психологической науки, поэтому ведущими методами исследования здесь являются введенные М. Г. Ярошевским понятия логики и социальной ситуации развития науки» [2, с. 75]. С одной стороны, необходимо раскрыть собственную логику развития психологической науки (так сказать, имманентную, «объективную» логику), с другой стороны, реконструировать ту социальную ситуацию (социально-исторический контекст, «дух времени»), которая предопределяла трансформацию (а иногда и стагнацию) логики психологического познания. Второе направления исследования – это «формирование знаний о развитии психики в контексте истории и культуры» [2]. Здесь аналитический фокус сосредоточен на прогрессе и кумулятивности психологических знаний в их соотношении с определенной культурной парадигмой. В центре исследовательского внимания третьего направления историко-психологического анализа «падают закономерности становления и распада отдельных научных школ и особенности развития психологии в рамках конкретной школы» [2, с. 76]. В рамках этого направления Т. Д. Марцинковская предлагает использовать методологические инструменты, предложенные как М. Г. Ярошевским, так и философами науки К. Поппером, И. Лакатосом и П. Фейерабендом. К числу таких инструментов, позволяющих усилить аналитический взгляд психолога-историографа, отнесены «оппонентный круг», «научная школа», «когнитивный стиль», «дискурс», «конкуренция идей», «концепция „предположений и опровержений“». Четвертое направление сосредоточено на изучении «генезиса психологических знаний по отдельным проблемам» [2]. В его рамках «также используются понятия оппонентного круга и когнитивного стиля, а также идея прогресса, но здесь она точнее представлена именно как кумуляция знаний» [2]. В данной программе историко-психологического исследования акцент делается на констатирующем варианте реконструкции процессов оформления психологических концепций в рамках культурно-исторических контекстов, парадигм, научных школ, предметных областей. Учитываются дискурсивные, полемические практики, конкурентность/комплементарность научных идей и гипотез. Вместе с тем Т. Д. Марцинковская рассматривает процесс оформления и развития научных концепций в кумулятивном ключе. В качестве «фигуры» историографической реконструкции и анализа выступают закономерно и последовательно оформляющиеся продукты (концепции, теории) мыслительной деятельности ученых. Способы и стили мышления, личностное знание, гносеологические установки ученых в данном случае остаются «в тени» генезиса концептосферы психологии.

Масштаб «вечных» проблем психологии требует поиска соответствующих методологических оптик, позволяющих фокусировать и распределять исследовательское внимание не только на отдельных локально-временных проекциях определенной проблемы (и способов ее решения в рамках определенной научной школы), но и на самом процессе трансформации проблемного поля. Как правило, этот процесс разворачивался синхронно процессу смены научных установок и типов рациональности ученых. Поэтому исследовательский фокус истории психологии подчас необходимо переводить с направлений, школ, исследовательских программ, концепций определенного исторического периода на стоявший за ними и реализуемый в них «принципиально новый способ мышления и тип рациональности» [3, с. 71], а также на его диалог и конфронтацию с традиционными для этого периода формами мышления.

Вопрос методологической проработанности для истории психологии весьма актуален, особенно в плане определения тех методологических оптик, которые были бы релевантны масштабу проблем, характерных для психологии в целом. В общем-то, это вопрос адекватности предметного поля истории психологии (и ее методологических инструментов) проблемному полю психологической науки, которое, как известно, всегда шире и подвижнее первого. Это очень ясно понимал В. Е. Ключко, когда обосновывал необходимость разработки и внедрения транспективного анализа в арсенал методологических инструментов постнеклассической психологии: «Выход за пределы устоявшегося предметного поля, очерченного наукой на данной стадии ее движения, становится неизбежным в том случае, когда это предметное поле перекрывается проблемным полем. Возникновение этого „перекрытия“ обусловлено ограниченностью объяснительных схем, заявленных методом, определившим содержание и конфигурацию предметного поля» [4, с. 99].

Решение поставленного вопроса предполагает перемещение фокуса исследовательского внимания с привычных тематических рубрик и разделов психологического знания на эти «перекрытия», в подвижных границах которых наиболее активно и плодотворно идет процесс «перерождения научной ткани» (метафора Л. С. Выготского) психологии. Но, для того чтобы осуществить подобное перемещение аналитического фокуса, необходимо понимать методологию не как набор заданных принципов и методов познания, якобы существующих независимо от исследователя, а как воплощенный в методологическом анализе «тип рационально-рефлексивного сознания, направленный на изучение, совершенствование и конструирование методов в различных сферах духовной и практической деятельности» [5, с. 535]. Отсюда становится понятен принцип сопряженности методологических инструментов, используемых исследователем, и типа его мышления, в контексте и «силовом поле» которого эти инструменты становятся для исследователя адекватными и действенными органами познания.

Примат рационально-рефлексирующего сознания и типа мышления над инструментальными и нормативными составляющими методологического анализа позволяет пересмотреть методологию под другим, антропологическим, углом: не как свод принципов и методов познания, а «как саморефлексивное восхождение исследователя к собственной философско-методологической позиции» [6, с. 6]. Поскольку сама методология выполняет функцию «рефлексивного зеркала» и является особой формой «самосознания науки» [7], то это требует от исследователя особой рефлексивно-аналитической оснащенности и проработанности. «Можно предположить, – пишет В. М. Розин, – что современный мыслительный научный дискурс предполагает явную рефлексию особенностей того мышления, в рамках которого он строится» [8, с. 149]. Исследователю необходимо осознавать теоретические, ценностные, личностные (неявные) основания научной деятельности: «...проясняя формальную структуру знания, методолог, по сути дела, эксплицирует, проясняет содержательные условия осмысленности знания как продукта сознательной деятельности» [6, с. 18]. Реконструкция движения научной мысли, истории ее становления требует от исследователя экспликации и амплификации методологических оснований и предпосылок понимания этих процессов, поскольку вопрос прояснения концептуальных истоков той или иной теории подчас находит свое решение лишь в контексте зоны ближайшего или даже предельно отдаленного развития этой теории.

Решение вопроса реконструкции предмета психологии, равно как и ее отдельной предметной области, требует применения средств познания, которые будут адекватны: а) самому предмету; б) типу рациональности, с позиции которого ведется его изучение; в) тем тенденциям научного познания, которые присущи актуальному и ближайшему периодам развития психологической науки. В психологии со времен ее возникновения, как и в любой другой науке, сохраняются «долгоиграющие» проблемы и гносеологические лейтмотивы (предметные области, в которых постоянно «нарождается» и «перерождается» научная ткань). Их реконструкция и продуктивное переосмысление возможны при условии использования метода теоретического исследования, который позволит воссоздать логику становления и трансформации научной мысли, ее «столбовые», «окольные пути», моменты их пересечения. В таком случае в поле зрения исследователя с неизбежностью попадут не только общеизвестные теории, но и так называемые маргинальные теории, оставленные на обочине научного познания без должного осмысления. Аналитический акцент необходимо делать не на констатирующем варианте исторической реконструкции, который предполагает восстановление хронологии смены научных систем прошлого, установление преемственности научных идей и способов познания. Прирост знания в психологии далеко не всегда носил поступательный характер и редко подчинялся кумулятивному принципу: «Развитие науки, в том числе и психологии, не линейный, а очень сложный процесс, на пути которого возможны зигзаги, незнание открытий, возвраты к уже пройденным решениям, „топтанье на месте“, кризисы» [9, с. 136]. Поэтому акцент следует делать на реконструкции переосмысляющего плана [10], чтобы в свете современных исследовательских тенденций и методологических трендов по-новому осмыслить концептуальное наследие тех ученых, чья мысль обгоняла время, заново подвергнуть методологической рефлексии их прогностический и эвристический потенциал. Ключевым методологическим ориентиром здесь становится «„разговор“ с психологами и философами прошлого... в котором прорисовываются контуры

новой методологии» [6, с. 7]. Вооружение исследовательского взгляда такой рефлексивной оптикой позволяет ставить в центр методологического анализа неочевидные, неявные, периферийные или даже маргинальные концепции (что было предпринято О. В. Лукьяновым [11]), в которых проступали контуры будущей психологии и воплощалась постнеклассическая рациональность. Особую исследовательскую ценность при таком транспективном обзоре содержат моменты, связанные с антропологическими поворотами психологической мысли. Моменты, когда классическая психология «сбивалась» со своих «столбовых дорог» и устремлялась вопреки предуготованным положительным эвристикам к постижению целостного человека и сосредотачивала поиск на человекомерных предметных областях.

История психологии в современном ее варианте занимается не только и не столько ретроспективным описанием и анализом теоретико-концептуального наследия психологической науки, установлением преемственности и «степени родства» научных идей, воссозданием «концептуальной палитры» того или иного исторического отрезка в эволюции психологической мысли. Все это, безусловно, необходимо, но в отрыве от понимания тенденций и перспектив развития психологии, переосмысления этого концептуально-теоретического наследия в контексте новых методологических установок рискует обернуться весьма неплодотворной архивацией якобы уже состоявшихся и завершенных актов научного познания. История психологии не может ограничиваться «раскопками концептуальных окаменелостей», фиксацией и хранением исторических свидетельств многолинейного процесса оформления и трансформации предметного знания психологии, ее категориально-понятийного аппарата. «Иными словами, для реконструкции тенденций развития науки, выявления процесса прогрессивного роста научного знания, перерождения форм и стилей научного мышления, закономерных преобразований предмета науки в процессе ее саморазвития не хватает традиционно сложившихся средств историко-психологического познания» [4, с. 91]. Этим и объясняется необходимость применения транспективного анализа, поскольку он оказывается едва ли не единственным методом, адекватным тем динамическим процессам, которые сопровождают психологическое познание. Если воспользоваться известной литературной метафорой, то он является своего рода *mobilis in mobile* («подвижный в подвижной среде»). Динамический анализ открытых саморазвивающихся систем (к коим относится и сама психологическая наука) составляет, по мнению основоположника транспективного анализа В. Е. Ключко, одну из первостепенных задач развития постнеклассической психологии: «Две ключевые миссии постнеклассики, к числу которых я отношу динамический анализ развития психологии через призму понимания ее в качестве саморазвивающейся научной системы и теоретическое (системное) переопределение предмета науки, остаются пока за пределами круга методологических проблем, обсуждаемых в психологии» [12, с. 157].

Если учесть, что некоторые концепции только сегодня получают должное осмысление, попадают в долгожданный оппонентный круг, то правильнее говорить не о завершенных актах познания, а о делящейся научной мысли (например, о делящейся мысли Л. С. Выготского или В. П. Зинченко). Здесь будет уместно противопоставить метафоры «реставрация» и «ренессанс» для установления кардинальных отличий между традиционным и постнеклассическим пониманием истории психологии. В первом случае ученые занимаются восстановлением «концептуальных памятников» в строго очерченных исторических отрезках развития научной мысли с обязательным датированием, установлением более-менее строгой хронологической последовательности научных идей, реконструкцией духовной ситуации времени (*Zeitgeist*), которой отвечали эти идеи. Во втором случае акцент делается на возрождении научных идей, перепро чтении работ ученых, особенно тех, концептуальный и эвристический потенциал которых становится понятным в полной мере лишь из сегодняшнего и завтрашнего дня развития психологии (тенденций, присущих ей). «Понять Выготского, – отмечает А. А. Пузырей, – значит сделать его партнером в размышлениях о тех проблемах, перед которыми оказываемся мы в своей собственной работе в ситуации, которая складывается в современной психологии» [3, с. 84].

Нельзя однозначно «приколоть» мысль ученого (по принципу составления энтомологической коллекции) к определенной странице «календаря» истории психологии и определить для нее непроницаемые границы. Это закроет подступы к пониманию движения научных идей, процессов их

коммуникации и «перекрестного опыления». Так, В. А. Мазиловым предлагается в качестве базиса для построения философии психологии (на что в свое время уповал А. Н. Леонтьев) «концепция коммуникативной методологии, ориентированная на соотнесение различных психологических концепций» [1, с. 95]. Безусловно, коммуникация ученых, преодолевающая временные и концептуальные рамки, необходима, но лишь в том случае, если она будет сопровождаться, как считает В. И. Кабрин, преодолением «фатальной редукции» и устоявшихся «конвенциональных трафаретов, в которых закована традиционная коммуникация» [13, с. 17]. Для осуществления возможности построения такой плодотворной транскоммunikативной методологии, не отягощенной конвенциональными схемами и трафаретами, необходимо «выйти за рамки метода и методологии, снабжающих нас спасительными процедурами и определенными схемами интерпретаций» [13]. Но инерция привычных мини-парадигмальных логик и объяснительных принципов столь велика, что реализация методологических упований В. И. Кабрина пока остается весьма непростой (а для многих исследователей – пугающей) задачей. Условия ее решения отягощаются, по мнению В. Е. Ключко, сохранением следующей тенденции: «самопроизвольно множатся “знания в лохмотьях”, а выстроенные локальными парадигмами, на которых базируются теории, “концептуальные перегородки” недостаточно проницаемы для конструктивного диалога» [12, с. 157].

Транссективный анализ как базовый методологический инструмент системной антропологической психологии позволяет увидеть сквозь эти «концептуальные перегородки» тенденции усложнения психологического познания, встроиться в непрекращаемый диалог ученых, чьи научные взгляды были концептуально созвучны, несмотря на то что отстаивали они их в разное историческое время (не были современниками) или же они были современниками, но в силу разных причин не являлись явными представителями одного оппонентного круга (например, как М. М. Бахтин и Л. С. Выготский или как А. А. Ухтомский и П. А. Флоренский). Особый интерес и научную ценность здесь представляет моделирование возможной коммуникации таких психологических концепций, между которыми существуют значительные временные или парадигмальные расстояния. Одна из продуктивных попыток реализации этого принципа сравнительно недавно осуществлена В. С. Кубаревым [14].

Решение подобных исследовательских задач является примером продуктивного применения транссективного анализа как метода моделирования вневременного диалога ученых, совмещения их явных и имплицитных теоретических установок, преодоления привычных мини-парадигмальных логик и объяснительных схем. Он позволяет сделать фигурой историко-психологического анализа совершенно новые предметные области: «Открытие механизмов смены установок, „призм видения“, выявление „зон перекрытия“ в межпарадигмальных переходах, истоки зарождения новых парадигмальных устоев в пространстве устоявшихся методологических принципов и подходов» [4, с. 90].

Феномен смыслового резонанса ценностных и мировоззренческих оснований мышления ученых-психологов, их «созвучия» с мировоззрением философов, представителей литературы и искусства предопределил необходимость введения в методологический инструментарий истории психологии нового понятия – «референтный круг» [2]. В свое время еще В. Дильтей отмечал, что «в способе, каким подходят великие писатели и поэты к жизни человеческой, находится обильная пища и задача для психологии» [15, с. 29]. Обогащение концептуально-понятийного аппарата психологии довольно часто шло «окольными путями» – через ассимиляцию философско-мировоззренческого наследия и потенциала литературы и искусства. Введение такого понятия позволяет выйти за рамки монодисциплинарного понятия «оппонентный круг», включить в одно диалогическое поле взгляды тех ученых и художников, «чьи взгляды, иногда совсем из другой области знаний, стали стимулом для развития собственных позиций, новых идей в своей области» [16, с. 8–9]. Особый интерес также представляет концептуальное наследие исследователей, опередивших время, мысливших не из своей конкретно-исторической ситуации развития психологии, а будто бы из ситуации ее завтрашнего дня. «Основы транссективного анализа закладывались теми, кто раньше других смог выйти за пределы устоявшихся схем понимания и объяснения, диктуемых классической рациональностью» [4, с. 91]. Попытка рассмотрения концептуального наследия предтеч постнеклассической психологии (А. А. Ухтомского и П. А. Флоренского) была предпринята нами ранее [17, 18].

Метод теоретической реконструкции, описания и критического анализа научных систем прошлого с выраженным акцентом на логике, социальной ситуации развития науки и категориальном анализе (А. Н. Ждан, Т. Д. Марцинковская, М. Г. Ярошевский) позволяет достаточно полно воссоздать культурно-историческую и гносеологическую ситуацию того или иного исторического этапа развития психологической мысли. Вооружившись им, можно представить исторический путь психологии как цепочку дискретных отрезков ее истории (с учетом их временных, парадигмальных границ), но вместе с тем он оказывается недостаточно действенным при решении задачи на реконструкцию типов научного мышления в их непрерывном усложнении, столкновении, перерождении. Основной доминантой в историко-психологическом исследовании должен стать анализ процесса становления таких теорий, которые смогли последовательно ассимилировать разные идеалы рациональности [4]. Но воплотить этот исследовательский ориентир возможно, лишь вооружившись постнеклассическим взглядом на историю психологии, рассматривая «ее как процесс прогрессивного усложнения науки, понятой в качестве открытой системы» [4, с. 90]. Вместе с тем понимание того, как на каждом этапе эволюции психологического познания решались центральные методологические проблемы психологии, – проблемы предмета и метода, требует транспективного обзора и реконструкции трансформационных трендов (процессов), имевших место на том или ином этапе развития психологии, включая реконструкцию тех «аномалий» (Т. Кун), которые упрямо свидетельствовали о необходимости включения в предметное поле психологии феноменов, связанных с чело-
векоразмерностью.

Транспективный анализ в этом плане является оптимальным методом постнеклассической науки. Он позволяет сосредоточить исследовательский фокус на процессах и механизмах самоорганизации «в человекообразных (саморазвивающихся) системах», на динамических моментах самодвижения и саморазвития этих сложнейших функциональных систем [12]. Сам метод в данном случае уподобляется предмету исследования (что является довольно редким случаем), и это позволяет охватить сложную динамику становления, переопределения предмета. Описывая преимущества этого метода, его основоположник В. Е. Ключко отмечал: «Будучи *динамическим*, транспективный анализ является также и *темпоральным*, учитывающим детерминацию будущим; *тенденциональным*, т. е. выявляющим тенденции в становлении открытых систем, рассматривая их как градиенты – направления, в которых возможности обретают силу осуществляться; *прогностическим*, поскольку на этой базе можно делать достаточно обоснованные прогнозы относительно становления системы; *системным*, т. е. учитывающим детерминацию, которая идет от психологических (общесистемных) но-
вообразований, производимых системой в актах взаимодействия со средой» [12, с. 163].

Суть транспективного анализа не сводится к ретроспективному описанию научных систем прошлого, она обнаруживает себя в способности исследователя фиксировать моменты взаимопроникновения осуществленного, осуществляющегося и зарождающегося знания. В случае истории психологии «...действительная единица исторического анализа с необходимостью включает в себя не только „прошлое“, но также настоящее и будущее и, что главное, устанавливается относительно некоторого (подлежащего также специальной реконструкции) действия – организуемого в настоящей ситуации ввиду целей, лежащих в будущем» [3, с. 81]. Единицей историко-психологического анализа, вооруженного транспективным взглядом, является не конкретно-историческая концепция (как, например, концепция мышления «вчера», «сегодня» и «завтра»), а такая концепция, в смысловом содержании которой преломляются процессы и результаты взаимопроникновения разных исторических форм и способов осмысления проблемного поля психологии мышления, включая те, концептуальные контуры которых только еще вызревают в «живом», понятийно не завершенном дискурсе исследователей, продиктованном задачами психологии мышления завтрашнего дня.

Подводя своеобразный итог настоящей работы, обратимся еще раз к ключевому понятию, содержательное раскрытие которого задает постнеклассический ориентир при планировании и реализации историко-психологического исследования. «Транспектива, – подчеркивал В. Е. Ключко, – это не ретроспектива (взгляд из настоящего, обращенный на прошлое), не перспектива (проектирование будущего из настоящего). Это такой взгляд, благодаря которому каждая точка на пути развития человечества (неуклонно прогрессивного становления человеческого в человеке) понимается как

место сосуществования времен, их взаимопроникновения и взаимоперехода, в котором реализует себя тенденция усложнения человека как системной организации. Каждое такое место интересно тем, что оно располагается в жизненном пространстве конкретных людей, живших в разные эпохи» [19, с. 12]. Применяя трансспективный анализ, мы получаем возможность обнаружения в «ткани научного познания» (Л. С. Выготский) особых мест схождения и взаимопроникновения стилей научного мышления, концептуальных полей: «Через ученого, хочет он с этим считаться или нет, проходит историческая трансспектива: пишет он сам, но руку его направляют те, кто был до него, и, в не меньшей степени, те, кто будут после него...» [12, с. 159]. Другими словами, исследователю, использующему трансспективный анализ, необходимо сделать предметом методологической рефлексии темпоральные контрапункты развивающейся и усложняющейся научной мысли (включая собственную мысль), обнаружить точки притяжения созвучных, комплементарных идей, которые то актуализировались, то меркли, то предавались забвению, то вновь признавались учеными в качестве концептуальных ориентиров положительной эвристики той или иной психологической теории.

Список источников

1. Мазилев В. А. Методологические проблемы исследований в истории психологии // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 1, т. II (Психолого-педагогические науки). С. 91–97.
2. Марцинковская Т. Д. История, культура, развитие как образующие историко-генетической парадигмы // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11, № 4. С. 69–78. DOI: 10.17759/chp.2015110406
3. Пузырей А. А. Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005. 488 с.
4. Ключко В. Е. Смысловая теория мышления в трансспективе становления психологического познания: эпистемологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2008. № 2. С. 87–101.
5. Швырев В. С. Методология // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. II. 634 с.
6. Василук Ф. Е., Зинченко В. П., Мещеряков Б. Г., Петровский В. А., Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Методология психологии: проблемы и перспективы / под общ. ред. Т. Г. Щедриной. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 509 с.
7. Корнилова Т. В., Смирнов С. Д. Методологические основы психологии: учеб. для академ. бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 490 с.
8. Розин В. М. Происхождение и эволюция научного знания // Философия науки и техники. 1997. № 1. С. 129–151.
9. Исторический смысл научно-психологических открытий (к 80-летию Антонины Николаевны Ждан) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 2. С. 131–136.
10. Кубарев В. С. Методологические инструменты постнеклассической психологии: трансспективный анализ // СПЖ. 2015. № 58. С. 6–24. DOI: 10.17223/17267080/58/1
11. Лукьянов О. В. Готовность быть: введение в транстемпоральную психологию. М.: Смысл, 2009. 231 с.
12. Ключко В. Е. Постнеклассическая трансспектива психологической науки // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 157–164.
13. Кабрин В. И. Транскоммуникативный подход как постметодология современной психологии // Вестник Томского государственного университета, 2005. № 286. С. 15–20.
14. Кубарев В. С. Механизм осознания жизненных смыслов в свете культурно-деятельностного подхода // СПЖ. 2021. № 81. С. 28–51.
15. Дильтей В. Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996. С. 153.
16. Марцинковская Т. Д. Психологическая концепция С. Л. Рубинштейна в контексте идей И. В. Гете и В. И. Вернадского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10, вып. 1. С. 7–17. DOI: 10.21638/spbu16.2020.101
17. Нелюбин Н. И. Предтечи постнеклассического мышления в российской психологии: А. А. Ухтомский // СПЖ. 2019. № 73. С. 6–16. DOI: 10.17223/17267080/73/1
18. Нелюбин Н. И. Предтечи постнеклассического мышления в российской психологии: П. А. Флоренский // СПЖ. 2020. № 76. С. 6–19. DOI: 10.17223/17267080/76/1
19. Ключко В. Е. Щит Персея и круг Хомы: психоисторический этюд // СПЖ. 2004. № 19. С. 11–17.

References

1. Mazilov V. A. Metodologicheskiye problemy issledovaniy v istorii psikhologii [Methodological problems of research in the history of psychology]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2015, no. 1, vol. II (Psikhologo-pedagogicheskiye nauki), pp. 91–97 (in Russian).
2. Martsinkovskaya T. D. Istoriya, kul'tura, razvitiye kak obrazuyushchiye istoriko-geneticheskoy paradigmy [History, culture, development as forming the historical-genetic paradigm]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*, 2015, vol. 11, no. 4, pp. 69–78 (in Russian). DOI: 10.17759/chp.2015110406
3. Puzyrey A. A. *Psikhologiya. Psikhotekhnika. Psikhagogika* [Psychology. Psychotechnics. Psychogogy]. Moscow, Smysl Publ., 2005. 488 p. (in Russian).
4. Klochko V. E. Smyslovaya teoriya myshleniya v transspektive stanovleniya psikhologicheskogo poznaniya: epistemologicheskiy analiz [The Semantic Theory of Thinking in the Perspective of the Formation of Psychological Cognition: An Epistemological Analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya – Moscow State University Herald. Series 14. Psychology*, 2008, no. 2, pp. 87–101 (in Russian).
5. Shvyrev V. S. Metodologiya [Methodology]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 tomakh. Tom 2* [New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes. Vol. 2]. Moscow, 2001. 634 p. (in Russian).
6. Vasilyuk F. E., Zinchenko V. P., Meshcheryakov B. G., Petrovskiy V. A., Pruzhinin B. I., Shchedrina T. G. *Metodologiya psikhologii: problemy i perspektivy* [Methodology of psychology: problems and prospects]. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2012. 509 p. (in Russian).
7. Kornilova T. V., Smirnov S. D. *Metodologicheskiye osnovy psikhologii: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata* [Methodological Foundations of Psychology: textbook for academic undergraduate studies]. Moscow, Yurayt Publ., 2014. 490 p. (in Russian).
8. Rozin V. M. Proiskhozhdeniye i evolyutsiya nauchnogo znaniya [Origin and evolution of scientific knowledge]. *Filosofiya nauki i tekhniki*, 1997, no. 1, pp. 129–151 (in Russian).
9. Istoricheskiy smysl nauchno-psikhologicheskikh otkrytiy (k 80-letiyu Antoniny Nikolayevny Zhdan) [The historical meaning of scientific and psychological discoveries (to the 80th anniversary of Antonina Nikolaevna Zhdan)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya – Moscow State University Herald. Series 14. Psychology*, 2014, no. 2, pp. 131–136 (in Russian).
10. Kubarev V. S. Metodologicheskiye instrumenty postneklassicheskoy psikhologii: transspektivnyy analiz [Methodological Tools of Post-Nonclassical Psychology: A Transpective Analysis]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2015, no. 58, pp. 6–24 (in Russian). DOI: 10.17223/17267080/58/1
11. Luk'yanov O. V. *Gotovnost 'byt': vvedeniye v transtemporal'nyu psikhologiyu* [Willingness to be: an introduction to transtemporal psychology]. Moscow, Smysl Publ., 2009. 231 p. (in Russian).
12. Klochko V. E. Postneklassicheskaya transspektiva psikhologicheskoy nauki [Post-nonclassical perspective of psychological science]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2007, no. 305, pp. 157–164 (in Russian).
13. Kabrin V. I. Transkommunikativnyy podkhod kak postmetodologiya sovremennoy psikhologii [Trans Communicative Approach as Post Methodology of Modern Psychology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2005, no. 286, pp. 15–20 (in Russian).
14. Kubarev V. S. Mekhanizm osoznaniya zhiznennykh smyslov v svete kul'turno-deyatelnostnogo podkhoda [The Mechanism of Awareness of Life Meanings in the Light of the Cultural-Activity Approach]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2021, no. 81, pp. 28–51 (in Russian). DOI: 10.17223/17267081/81/2
15. Dil'tey V. *Opisatel'naya psikhologiya* [Descriptive psychology]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 1996. 153 p. (in Russian).
16. Martsinkovskaya T. D. Psikhologicheskaya kontseptsiya S. L. Rubinshteyna v kontekste idey I. V. Gete i V. I. Vernadskogo [The psychological concept of S. L. Rubinshtein in the context of the ideas of I. V. Goethe and V. I. Vernadsky]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya – Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 7–17 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu16.2020.101
17. Nelyubin N. I. Predtechi postneklassicheskogo myshleniya v rossiyskoy psikhologii: A. A. Ukhtomskiy [Forerunners of post-non-classical thinking in Russian psychology: A. A. Ukhtomsky]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2019, no. 73, pp. 6–16 (in Russian). DOI: 10.17223/17267080/73/1

18. Nelyubin N. I. Predtechki postneklassicheskogo myshleniya v rossiyskoy psikhologii: P. A. Florenskiy [Forerunners of Post-Non-Classical Thinking in Russian Psychology: P. A. Florensky]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2020, no. 76, pp. 6–19 (in Russian). DOI: 10.17223/17267080/76/1
19. Klochko V. E. Shchit Perseya i krug Khomy: psikhistoricheskiy etyud [The Shield of Perseus and the Circle of Homa: A Psychohistorical Study]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2004, no. 19, pp. 11–17 (in Russian).

Информация об авторах

Нелюбин Н. И., кандидат психологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет (Набережная Тухачевского, 14, Омск, Россия, 644099).

Information about the authors

Nelyubin N. I., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Omsk State Pedagogical University (Naberezhnaya Tukhachevskogo, 14, Omsk, Russian Federation, 644099).

Статья поступила в редакцию 25.12.2022; принята к публикации 26.04.2023

The article was submitted 25.12.2022; accepted for publication 26.04.2023